

«Федерико сравнивали с ребенком, а можно – и с ангелом, с водой («сердце мое – капля чистой воды»), как написал он в письме), со скалою; но случались минуты – и они потрясали, – когда он был буйным, гулким и сказочным, как дикий лес. Каждый узнавал в нем свое. А для нас, тех, кто близко знал его и

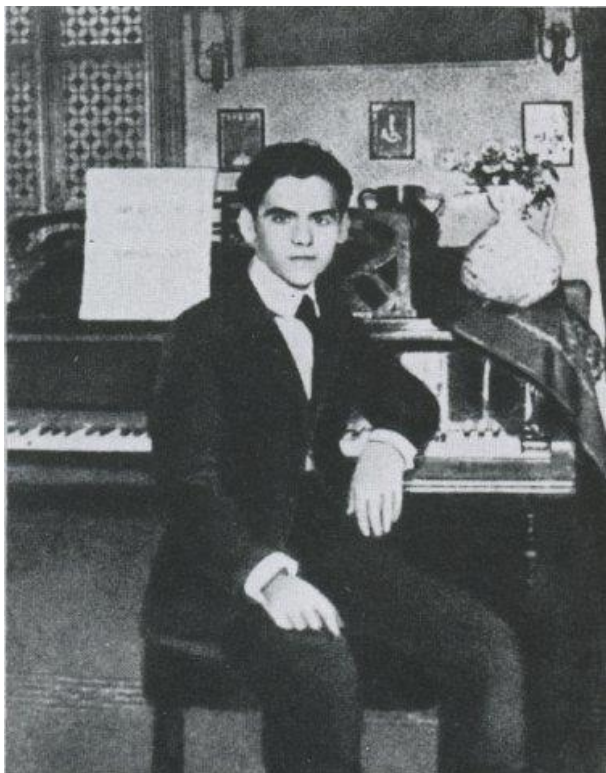
любил, Федерико оставался собой – единственным на свете, тем же самым и всякий раз иным – изменчивым, как сама Природа.

Утром его смех был свежим и переливчатым, точно ручей, в который хочется окунуть лицо. Днем он казался зеленым лугом, жаркой пустошью, шелестом серых оливок над охристой землею – и менялся, как меняется на свету испанская даль. Глаза его сияли или гасли, смотря по тому, что было у него на душе, а может, и от того, кто оказывался перед ним в ту минуту.

Случалось мне видеть Федерико и ночами, когда он поднимался вдруг к тем таинственным сомнамбулическим перилам, когда луна светила ему одному и серебрила его лицо, когда ветер вздымал к небу его руки, а ноги его корнями вращались в глубь – в глубь времен, в глубь нашей земли, отыскивая в безднах зерна мудрости, которая опаляла его лоб, жгла ему губы, горела в его зачарованных глазах. Нет, тогда он не походил на ребенка. То было не детство, а старость, да, старость, и

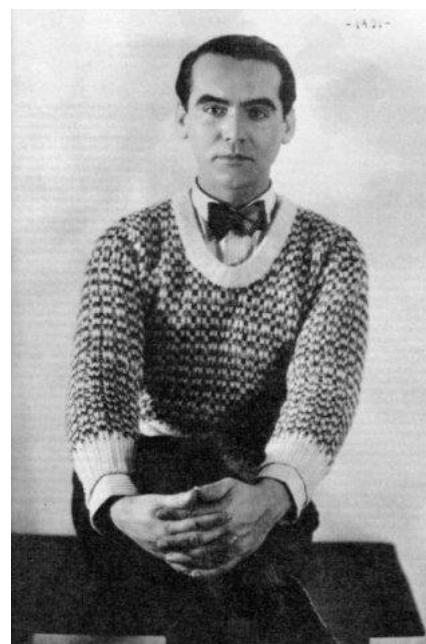
более того – древность, миф, сказка. И, не сочтите сравнение неуместным, только старик кантаор или старая цыганка-плясунья, застывшая каменным изваянием, могли бы встать с ним рядом. Только андалусские скалы в ночном сумраке, вросшие в эту землю еще с незапамятных времен, могли бы назвать его братом.

Никто не сумел разгадать Федерико. Подобно смерчу, он заставлял врасплох и увлекал за собой – всегда невольно сравниваешь его с чем-то первозданным. Он бывал нежен, как морская раковина. Распахнут в удивительной смуглой улыбке, как дерево на ветру. Пылок и неудержим, как всякое существо, рожденное свободным. А что до творчества, то здесь его вел первобытный материнский инстинкт – сродни тому, что властвовал над другим гением – Гёте. Правда, самообладание, с которым сей небожитель обуздывал

свои порывы и страсти, принуждая их служить разуму и призванию, осталось недоступным Федерико. Он светился вдохновением, и его жизнь, созвучная его поэзии, была торжеством свободы. В его жизни и его стихах трепещет один дух и бурлит – с той же страстью – одна кровь, они изначально и навеки неразделимы. Это и еще очень многое роднит Федерико с Лопе.

Казалось, Федерико шел по жизни чудотворя, не касаясь земли; он являлся нам, как крылатый гений, осеняя благодатью, дарил счастье и исчезал, точно солнечный луч, – ведь он сам был светом. Он волхвовал для нас – развеивал печаль, заклинал беду, привораживал радость и, повелитель теней, разгонял их. Но иногда, наедине с собой, я вспоминаю другого Федерико

– неведомого многим: одинокий (чего никак нельзя было заподозрить, зная стремительный водоворот его торжествующей жизни), одинокий и страстный человек, рыцарь печали. Я уже говорил о том, каким становился Федерико ночами, когда лицо его заливал стылый лунный свет и, впитывая желтизну, оно каменело, как застарелая боль. «Что с тобой, сын?» – казалось, говорила луна. «Земля во мне болит, земля и люди, плоть и душа, моя и всех, кто един со мною».

Поздно ночью, покидая таверну или просто бродя по городу среди людских теней, Федерико возвращался из радости, словно из дальних стран на суровую землю, где боль непреложна и зрима, будто сама земля. Поэт, думаю, устроен так, что границ между его плотью и миром не существует. Внезапное и долгое молчание Федерико походило на молчание реки; тогда, ночью, я слышал, как сквозь него, сквозь его тело и душу, темной рекой текут чужая кровь, боль и память, биясь его сердцем; он и все люди на свете сливались тогда в одно существо – так воды сливаются в реку и становятся ею. Тот верховный час немоты был часом поэта, часом одиночества, щедрого

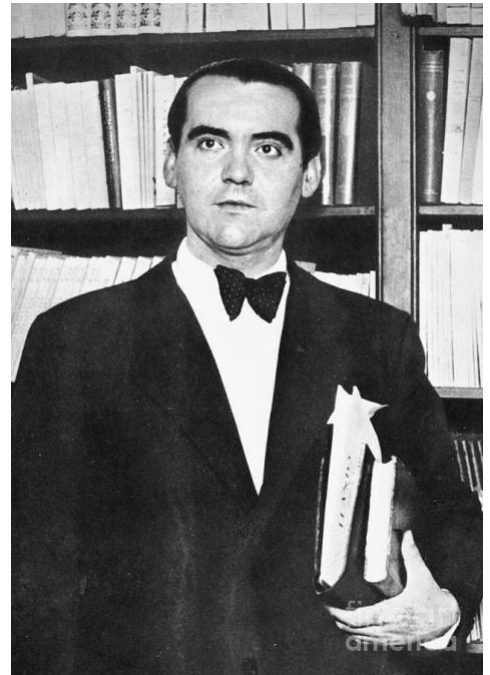
одиночества, когда поэт ощущает себя голосом всех людей, сколько ни есть их на земле.

Все же не радость была сутью его сердца. Он мог вместить всю радость мирозданья, но не радость озаряла глуби его души – на то он и великий поэт. Те, кому Федерико запомнился беззаботной птахой в ярком оперении, не знали его. У Федерико было страстное сердце – таких немного; он умел любить – страдание отметило его благородный лоб своей печатью. Он любил, о чем многие и не подозревали. И страдал, о чем, думаю, не

знает никто. Я вечно буду помнить тот день, когда Федерико, незадолго до отъезда в Гранаду, прочел мне свои последние стихи из книги, которую ему не суждено было дописать.

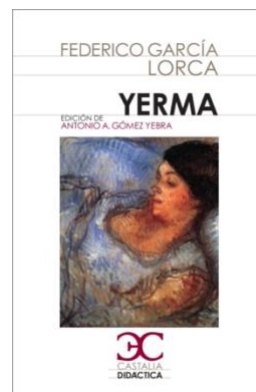
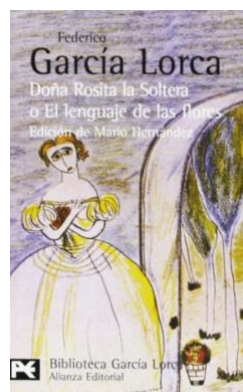
То были «Сонеты темной любви» – воплощенный порыв, страсть, смятение и счастье, чистейший памятник любви, изваянный из стихий: души, тела и растерзанного сердца поэта. Я взглянул на него и не мог отвести глаз: «Господи, какая душа! Как же ты любил, сколько же ты выстрадал, Федерико!» Он посмотрел на меня и улыбнулся своей детской улыбкой – при чем тут я?.. Если эта книга не пропала, если отыщется когда-нибудь эта рукопись, к славе испанской словесности и к радости грядущих поколений, то все они, сколько ни будет их до скончания нашего языка, поразятся и узнают наконец цену и неповторимому дару поэта, и неповторимой глубине его сердца».

Статья Висенте Алейсандре

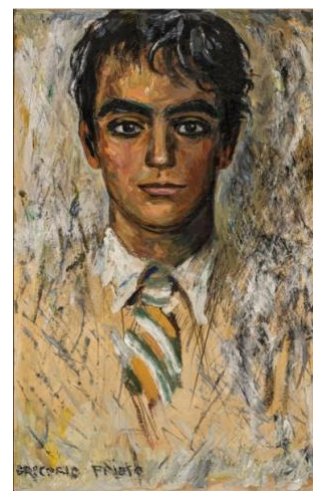
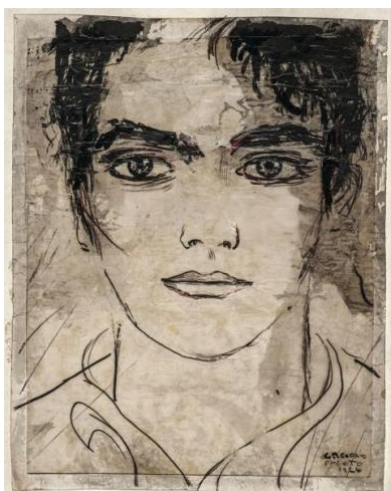
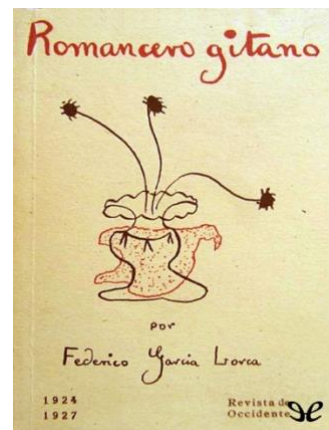
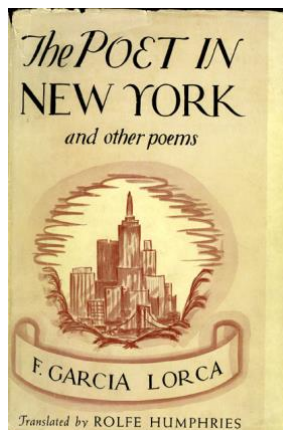
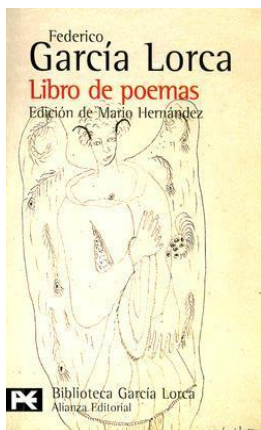
Среди пьес Лорки можно выделить следующие

«Кровавая свадьба», «Дом Бернарды Альбы», «Йерма», «Донья Росита, девица, или Язык цветов».

Некоторые сборники стихов

«Цыганское романсеро», «Книга стихов», «Поэма о Канте Хондо», «Поэт в Нью-Йорке».

Материал подготовил Батрадз Тадтаев